

О ПОНЯТИИ И ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В первом номере «Социологических исследований» за 2005 год были опубликованы материалы заочного круглого стола «Историческая социология: опыт и перспективы». В круглом столе приняли участие известные в российском социологическом сообществе ученые. Среди прочего организаторы дискуссии вынесли на обсуждение следующие вопросы: 1) Как Вы определяете сущность и содержание «исторической социологии»; каково ее место в социологическом знании? 2) Имеется ли в исторической социологии – наряду с общим – собственный понятийный аппарат? 3) Какой видится Вам структура, состав исторической социологии? 4) Каковы актуальные проблемы исторической социологии сейчас и препятствия на пути их решения?

Следует признать, что все участники данного круглого стола в своих выступлениях говорили о совершенно разных вещах. Поэтому у читателя могло сложиться представление о том, что у исторической социологии сегодня (по крайней мере, в России) не существует даже более или менее единого дисциплинарного поля, не говоря уже о категориальном аппарате, структуре науки и т.д. Сопоставление высказанных мнений и их «разногласия» свидетельствуют о том, что сформулированные выше вопросы, несмотря на их принципиальный характер, на сегодняшний день все еще остаются открытыми и требуют дальнейшего серьезного обсуждения. Не претендуя на установление «истины в последней инстанции», попытаемся осветить ряд проблем, связанных с самим понятием исторической социологии.

Историческая социология в системе гуманитарного знания

Очевидно, исторической социологии не удастся дать столь же однозначное определение как, например, большинству специальных социологических теорий (политическая социология, экономическая социология, социология семьи и пр.). Поскольку речь здесь должна идти не о выделении какого-то локального сегмента общественной жизни, которым интересуется некоторая наука, но скорее об особой познавательной ориентации, точке зрения, характерной для определенного исследовательского направления, выделяемого в рамках социологии в целом. Каковы же возможные толкования данного термина?

Если под исторической социологией понимать социологию исторического процесса, то в таком случае она превратится в некое подобие контовской «социальной динамики» - т.е. в теорию социальной эволюции или теорию общественно-исторического развития. Тогда историческая социология включала бы в себя значительную часть всех макросоциологических обобщений, касающихся генетически-процессуального измерения общественной жизни (например, многочисленные теории, описывающие переход от традиционных социальных систем к современным и т.д.). Для понимаемой таким образом исторической социологии конструировать сценарии будущего развития было бы столь же естественным, как и делать выводы относительно логики событий давно минувших дней. Иначе говоря, подобная историческая социология если и не содержала бы в себе, то, по крайней мере, предполагала существование соответствующей ей социологической футурологии.

Последний подход оказывается неприемлемым, если понятие исторической социологии отождествляется с понятием социологии истории, - как науки, имеющей дело исключительно с фактами прошлого человеческих обществ. Такая социология будет говорить не о том, «что есть» и не о том, «что будет», но исключительно о том, «что было». Процессуальный аспект анализа здесь может даже не выходить на передний план, поскольку интерес исследователя способен концентрироваться и на чисто статических

проблемах (например, на особенностях социальной структуры и организации древних, античных или средневековых обществ).

Но все же более целесообразным представляется видение задач исторической социологии как особого направления, исследовательской ориентации в социологической науке. Такая позиция восходит к трудам Макса Вебера, в которых преодолевается методологический разрыв между радикальным номотетизмом позитивистских социологических концепций и столь же радикальным идиографизмом классических исторических исследований.

Уже в эпоху раннего позитивизма социология решительно противопоставила себя истории. В глазах О. Конта и его последователей история была лишь «подсобной» наукой, поставляющей факты для социологических генерализаций. История воспринималась как чисто описательная дисциплина, социология же – как «объясняющая» наука, наука о законах общественной жизни. Историки в свою очередь демонстрировали явное недоверие по отношению претензиям молодой науки, по-прежнему считая своей основной задачей анализ конкретных, индивидуально сложившихся в прошлом событийных рядов. В социологических обобщениях они усматривали насилие над живым историческим материалом. К понятию «исторического закона» большинство из них относилось с подозрением или просто отрицательно. Суть настороженности историков точно выразил Герман Гессе в своей «Игре в бисер»: «Конечно, в историю надо вносить порядок... Каждая наука – это, в числе прочего, упорядочение, упрощение, переваривание неудобоваримого для ума. Мы полагаем, что обнаружили в истории какие-то законы, и стараемся учитывать их при познании исторической правды. Так же, например, и анатом не ждет, расчлняя тело, каких-то сюрпризов, а находит в существовании под эпидермисом мира органов, мышц, связок и костей подтверждение заранее известной ему схемы. Но если анатом видит только свою схему и пренебрегает при этом неповторимой, индивидуальной реальностью своего объекта, тогда он... применяет математику к неподходящему объекту... Тот, кто созерцает историю, пускай делает это с трогательнейшей детской верой в упорядочивающую силу нашего ума и наших методов, но пусть он, кроме того, уважает непонятную правду, реальность, неповторимость происходящего» [1, с.131-132.].

В споре социологов и историков на стороне последних находились неокантианцы. В. Виндельбанд и Г. Риккерт отстаивали право истории на методологическую самостоятельность [2]. История в их понимании являлась наукой особого типа, использующей в своих рассуждениях идиографический (или индивидуализирующий) способ образования понятий. Историк проецирует свой интерес не на регулярное, типическое и повторяющееся (как это делает социолог), а на уникальное и неповторимое. Если социология идет по пути естествознания, то история идет своим путем, выбирая для себя альтернативную генерализирующую модель научности. При таком подходе между историей и социологией образовывалось нечто вроде методологической пропасти. Макс Вебер был первым, кому удалось возвести над этой пропастью мост. Видоизменив неокантианскую теорию ценностей и сконструировав концепцию идеальных типов, он попытался приблизить социологию к истории.

Исследования Вебера в областях социологии религии, города, хозяйства и политики наглядно демонстрируют возможность такого рода сближения. В большинстве своих работ Вебер отказывается от построения абстрактных теоретических схем. Он не признает существования законов общественного развития. Его социология остается по большей части на специфически эмпирическом уровне, причем в роли эмпирической базы в данном случае выступает именно исторический материал. История любого общества неповторима, но в ткань неповторимого вплетаются элементы типического. Социологические обобщения в свою очередь оказываются локализованными в определенных пространственно-временных границах. История европейского капитализма, как и история западной модели рациональности, уникальна, но уникальные события

анализируются при помощи общих социологических понятий. Социология как кладовая идеальных типов как бы парит над миром исторических фактов, проясняя те или иные событийные конstellации. В результате история становится социологически понятной, а социология исторически обоснованной.

Исследования ученого, работающего в подобном жанре, утрачивают свою четкую дисциплинарную идентификацию. Как верно замечает И. Валлерстайн, «не существует ни историка, ни социолога, а лишь ученый историко-социологического плана, который анализирует общие законы определенных систем и определенные последовательности, через которые прошли эти системы» [3, с.152]. Грань, разделяющая предметные поля социальной истории и исторической социологии, оказывается в значительной мере размытой и принципиально преодолимой.

Важно также отличать задачи исторической социологии и философии истории. Последняя в отличие от первой не остается в лоне научно-эмпирического исследования, но, напротив, стремится выйти за его пределы. Философ истории рассуждает не о событиях и фактах как таковых, но об их «смысле» и «предназначении». Он ставит перед собой мировоззренческие вопросы и ищет на них ответы, используя при этом различные спекулятивные конструкции. Вопрос «зачем?» выступает в его рассуждениях на первый план, оттесняя вопросы «почему?», «как?» и «что, собственно, произошло?» (На этих вопросах в свою очередь акцентирует свое внимание специалист в области исторической социологии).

Пограничное – междисциплинарное – положение делало историческую социологию в течение долгого времени маргинальной наукой. В рамках социологии в XX веке ее развитию препятствовало, в частности, идейное доминирование структурного функционализма. Классическая версия структурного функционализма, воплотившаяся наиболее полно в концепции Т. Парсонса, утверждала себя как идеальная модель социологического теоретизирования. В аналитически-статическом ракурсе этой теории основные проблемы науки об обществе сводились к вопросу «как возможен социальный порядок?». Интерес к тематике социальных изменений и трансформаций, естественно, при таких парадигмальных приоритетах оказывался на периферии социологического дискурса. На самом же деле историческая социология с самого начала представляла собой одну из конструктивных методологических альтернатив структурному функционализму. Об этом свидетельствует среди прочего «запоздалая» популярность написанных более полувека назад и открываемых заново работ Норберта Элиаса [4]. К сожалению, имена некоторых пионеров исторической социологии еще и по сей день остаются малоизвестными. Например, незаслуженно забытой осталась интереснейшая книга Лайфорда Эдвардса «Естественная история революции» (1927), предвосхитившая многие более поздние идеи в обозначенной исследовательской области [5; 6]. В целом можно констатировать, что проблематика исторической социологии в течение большей части прошедшего столетия находилась в тени иным образом ориентированных интересов социологического сообщества.

Генезис исторической социологии

Социология, или точнее, та духовная атмосфера, из которой она выделилась, изначально содержала в себе потенции последующего теоретического стремления к обобщению исторических фактов, накопленного исторического материала. Социальными мыслителями издавна строились объяснительные схемы, описывающие историческое существование человечества, однако на объективность выводов смогли претендовать только те концепции, которые были сформулированы с опорой на методологический базис, выстроенный в рамках новоевропейской системы научности. XVIII век является во многом знаковым веком для развития исторической социологии. Европейские философы в это время предпринимают попытку концептуального обобщения исторического опыта, выявления закономерностей исторического функционирования общества.

В это время в качестве модели, объясняющей динамическое состояние общества, сформировалась идея социального прогресса, во многом определившая последующее развитие как науки, так и общества в целом. Существенным моментом, изменившим способ рассмотрения исторических фактов, явилось появление позитивизма с новой методологической программой и новыми критериями научности. Многие социологи, относящиеся к числу классиков, задавали методологические рамки для конкретных исследований, в том числе для таких, которые привлекали в качестве эмпирического материала исторические данные. Изучение исторических фактов как «вещей» с использованием методов естественных наук имело значительные плоды в XIX и XX веках. Однако конкуренцию социологическому натурализму и позитивизму практически сразу составил новый способ изучения социальной реальности, ориентированный на понимание ценностных аспектов деятельности. «Понимающая социология» расставила иные приоритеты исследовательской перспективы, сместив основные акценты к интерпретации идеально-типических мотивов человеческой активности.

Последующее развитие исторической социологии сопровождалось постоянными методологическими спорами, связанными с самоопределением этого направления науки. Представляется важным более подробно остановиться на генезисе методологии исторической социологии с тем, чтобы составить комплексное представление о современном дискурсе в рамках этой дисциплины.

Классиками исторической социологии принято, прежде всего, называть Алексиса де Токвиля, Карла Маркса и Макса Вебера [7, с.8-9]. Именно эти мыслители обратились к вопросу доказательности и объективности выводов, полученных в ходе теоретического исследования. Теоретический блок в своих исследованиях они подтверждали историческими эмпирическими данными и, тем самым, на практике разрабатывали методологию исторической социологии.

Работы Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» [8] и «Старый порядок и революция» [9] были отмечены большим вниманием гуманитарной общественности ввиду обоснованности сделанных выводов, большого объема собранного и проанализированного исторического материала, а также объективности в подходе к изучаемому предмету. В область исследовательских интересов Токвиля входила прежде всего проблема генезиса демократии, бюрократического и централизованного правления, а также особенности социальных и политических институтов, структура классовых взаимосвязей и интеллектуальный климат в обществе перед Великой французской революцией. Токвиль при изучении динамических процессов в обществе придерживался эволюционного взгляда, рассматривая революции исключительно как естественную и закономерную кульминацию постепенно произошедших изменений в социальной системе.

Карл Маркс в своих работах обратился к макросоциологическим обобщениям, результатом которых стала концепция смены общественных формаций, а также провел изучение конкретных социальных процессов, прибегая при этом к анализу эмпирического материала и наблюдению. При анализе конкретных событий и фактов прошлого Маркс пытался вписать их в общую логику исторического процесса.

Наибольший вклад в развитие методологии исторической социологии внес Макс Вебер, предложивший понятие идеального типа в качестве методического средства и социологический номинализм в качестве методологической ориентации исследовательской деятельности. «Идеальный тип» становится базовым исследовательским инструментом в его социологии, дающим возможность изучать явления и процессы в их типичности, тем самым позволяя вскрывать социальные закономерности, как на макро-, так и на микроуровне. Вебер пользовался этим инструментом для описания макросоциальных процессов и, в частности, исторического развития феномена рациональности. Идеальные типы изначально определялись Вебером как теоретические конструкты, которые предназначены для обобщения и обработки эмпирического материала. Отнесение каждого конкретного элемента к идеальному типу

не должно противоречить существующему знанию, а также должна быть доказана взаимосвязь всех включенных в него элементов. С позиций номинализма Вебер рассматривал любое социальное образование как продукт осмысленной и целенаправленной деятельности отдельных, но сходным образом поступающих людей. На основе изучения типизированных моделей действий человека Вебер анализирует макросоциальные процессы. Таким образом, в творчестве Вебера социологический номинализм был выведен на макросоциологический уровень и процедурно систематизирован идеально-типическими обобщениями.

Д. Смит выделяет в развитии исторической социологии две основные волны: к первой волне относятся теории, возникавшие с середины XVIII в. по 20-ые годы XX века, а ко второй волне – теории, созданные с начала 60-ых годов XX века по настоящее время [7, с.8, 36-37]. При рассмотрении генезиса исторической социологии были проанализированы основные методологические подходы, относящиеся к первой волне. Переходя к анализу современных исследовательских подходов, относящихся ко второй волне, следует отметить, что в исторической социологии в настоящее время существует два основных направления – неомарксизм и неовеберизм. Среди теоретиков, работающих в рамках неомарксизма, наиболее значимой фигурой является Иммануэль Валлерстайн, разработавший направление мирсистемного анализа, а также Андре Гундер Франк, Джанет Абу-Луход и др. Среди неовеберизмов следует прежде всего назвать Гарри Элмера Барнза, Говарда Пола Беккера, Райнхарда Бендикса, Рэндалла Коллинза и др. [10]

Гарри Барнз пытался пересмотреть традиционный фактологический характер повествования истории, смещая акцент на каузальность исторического процесса, взаимосвязанность исторических фактов. А Беккер для анализа современной социально-политической ситуации предлагал в качестве методического инструментария наблюдение, позволяющее проследить на эмпирическом уровне функционирование различных социальных структур.

Говард Беккер, следуя за Вебером, в качестве основного динамического начала исторического процесса видит действия людей. Проявления действий он предлагает фиксировать через конкретные социальные ситуации, которые должны анализироваться при помощи определения в этих ситуациях четырех «аналитических элементов». К этим элементам Беккер относит социальный объект, социальный метод, социальный инструмент и социальную ответную реакцию. Основываясь на типологии действий, предложенной М. Вебером, Беккер строит типологизацию социальных ситуаций: целесообразная рациональность (для достижения цели приемлемы любые средства), санкционированная рациональность (средства определяются целями), традиционная нерациональность (средства являются целями) и аффективная нерациональность (нет различий между средствами и целями). Согласно Беккеру, подведение какого-то явления или процесса под идеальный тип нуждается в предварительном выдвижении гипотез о его каузальных взаимосвязях, о его месте в структуре общественных отношений и в логике социального процесса, а также о его генетических характеристиках. После выдвижения гипотез должно быть проведено системное исследование рассматриваемого объекта и доказательство правомерности подведения его под сконструированный тип.

Райнхард Бендикс, придерживаясь, так же как вышерассмотренные авторы, веберизанской линии, определяющим в историческом процессе видит действия людей, согласованные и отчасти заданные определенным социокультурным контекстом. Однако социологический номинализм Бендикса склоняется в большей степени к анализу событий и явлений в их уникальности, он отрицает полную заданность действия человека, полную его предсказуемость, а, следовательно, механицистские упрощения, используемые многими социологами для построения стройной теории. Используемый им сравнительный анализ нацелен не столько на поиск аналогов, сколько на выявление и анализ уникальных исторических условий, явившихся причиной появления какого-то социального явления

или процесса. Бендикс критикует «ретроспективный детерминизм», безальтернативность исторического процесса, настаивает на наличии пространства свободных действий индивидов, которое делает исторический процесс не полностью однозначным. Возможность альтернатив является важным моментом при проведении сравнительных исследований, так как учитывается комплекс возможных перспектив различных социальных систем и при выделении общих и особенных факторов в структуре социальной системы или в ее развитии появляется возможность, проанализировав комплекс этих факторов, выделить некоторые закономерности. Изучение социальных, политических и культурных особенностей различных обществ определяется Бендиксом как приоритетное направление в социологии [11].

Рэндалл Коллинз в большей степени раскрывает проблему легитимности господства, разработанную Максом Вебером, и выводит свои обобщения на макросоциологический уровень. В качестве субъектов исторического процесса Коллинз анализирует отдельные государства, ориентированные на утверждение собственной легитимности в международном соперничестве. Некоторые исследователи, и в частности М.В. Масловский, критикуют Коллинза за геополитический детерминизм, за недостаточное внимание к социокультурным основаниям исторического процесса [7, с. 72].

Марксистское направление в исторической социологии является комплексом концепций, ориентированных на мирсистемный анализ, и теорий, разработанных в рамках аналитической геополитики. Как первая, так и вторая ветви неомарксизма в исторической социологии ориентированы на выявление места рассматриваемой социальной системы или государства среди других систем, определение преимуществ и недостатков этого положения. Внешний контекст здесь рассматривается как значимая детерминанта политических и экономических структур. Так Иммануэль Валлерстайн в своих работах придерживается реалистского подхода в социологии, в рамках которого человек и индивидуальное действие рассматриваются как продукт и следствие внешней социальной среды и социальных условий. Предложенная им концепция мирсистемного анализа базируется на сравнительном методе исследования. В качестве единиц сравнения он определяет стадии развития общества. Иными словами, он разрезает историческое время на отрезки «с целью проследить структурные изменения между временем А и временем Б». Однако он настаивает на исторической непрерывности этих отрезков. Валлерстайн в своей книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» пишет: «Важнейшая проблема при сравнении «стадий» – определить те исторические единицы, синхронистическим описанием (или, если угодно, «идеальным типом») которых являются «стадии». И фундаментальная ошибка а-исторической общественной науки (включая а-исторические версии марксизма) состоит в овеществлении частей целостности в таких единицах и сравнение затем этих овеществленных структур» [12, с. 22]. Относительно прогностических функций сравнительного исследования Валлерстайн высказывает следующее мнение: с одной стороны, он говорит о невозможности прогнозировать будущее, а с другой - указывает на возможность предсказывать прошлое. Этот принцип он использует при рассмотрении современных обществ, анализируя их как целостные во времени образования или «исторические системы».

И еще одним важным для социологии моментом является то, что Валлерстайн настаивает на преодолении границ между различными дисциплинами, относящимися к области общественных наук. Важность подобного преодоления обосновывается как сходством объектов исследования, так и тем, что знания, накопленные в рамках одних дисциплин, могут быть использованы для дальнейших исследований в других.

Другим представителем мирсистемного подхода является Андре Гундер Франк. Он разработал теорию зависимости, в которой стремился раскрыть тождество структур капиталистического общества и структуры мировой системы. В своей модели он приравнивал неразвитые страны к пролетариату, а мировые гегемонии – к буржуазии.

Согласно его версии мирсистемной теории, как только в какое-либо национальное государство проникает капитализм, это государство сразу же включается в мировую систему и занимает в ней подчиненное положение. Эта теория сразу же повлекла за собой критику. Основной объем критики был направлен прежде всего на оправдание влияния мировых гегемоний на развитие экономических и политических структур.

В структуралистской же версии мирсистемного анализа акцент смещен в большей степени на множественность позиций внутри капиталистической мирсистемы, занять которые могут любые, а не только европейские и североамериканские регионы. Но, тем не менее, несмотря на существующую мобильность внутри системы, субординация некоторых зон по-прежнему будет сохраняться.

Модель «ядро - периферия», определяющая специфику методологических взглядов исследователей в рамках неомарксистского направления в исторической социологии, была применена к анализу традиционных, и в том числе безгосударственных обществ. Такие исследователи, как Джанет Абу-Луход, Кристофер Чейз-Данн, Томас Д. Холл, Барри Джилс, применяли эту модель для изучения социальных систем, удаленных от нас на многие сотни и тысячи лет. Д. Абу-Луход изучала мировую систему средневековья, К. Чейз-Данн и Т. Холл рассматривали такую систему в примитивных, догосударственных обществах, а Б. Джилс вместе с А. Франком схематизировали развитие мировой системы начиная с 3000 года до н.э.

Геополитика как исследовательское направление во многом было дискредитировано в первой половине XX века ввиду таких негативных следствий, как экспансионистская политика отдельных стран и «рациональные» договоры о переделе мира. Но, тем не менее, в трансформированном виде и превращенное в аналитическую геополитику это направление продолжает существовать и в настоящее время. Его развитие связано с изучением слабых мест и издержек геополитического «сверхрасширения», однако это направление имеет большее отношение к сфере международных отношений, нежели к исторической социологии. Важным для исторической социологии выводом, сделанным в рамках аналитической геополитики, является то, что не существует единственной причины экспансии или упадка государств; на развитие государств оказывает влияние сочетание нескольких процессов.

Однако, несмотря на существование двух основных исследовательских направлений в исторической социологии, достаточно плодотворной оказалась методологическая позиция, находящаяся на стыке марксизма и неовеберизма. Сочетание двух исследовательских перспектив позволило создать концепции, учитывающие влияние как материальных, так и социокультурных факторов на исторический процесс. К числу этих концепций прежде всего должны быть отнесены современные концепции социальной революции (Т. Скокпол, Дж. Голдстоун и др.) и массовых движений (Ч. Тилли). Р. Коллинз, раскрывая теоретический базис этих концепций, пишет, что легитимность правителей связана с тем, как люди ощущают влияние геополитики на их собственное государство. Делегитимация власти происходит тогда, когда государство начинает испытывать геополитические затруднения, попадает в финансовый кризис и приближается к распаду самой внутривластной структуры. В этом случае наблюдается эмоциональное охлаждение людей по отношению к государству, и как следствие - утрата легитимности власти. Здесь же следует упомянуть и работу Майкла Манна «Источники социальной власти» [13]. Манны изучает социальный процесс через призму милитаризованности общества, взаимосвязи военных институтов с государством и внешнеполитической обстановкой. Он указывает на то, что в эпоху Нового времени произошло проникновение государства в общество, что означало возникновение национальной идентичности и преданности своему государству, а также сформировались культурные механизмы мобилизации классов на политическое участие и борьбу за собственные интересы. А, следовательно, государство постепенно переходит от военного к политическому. Чарльз Тилли развитие государств после произошедшей

«военной революции» ставит в зависимость от трех базовых факторов: от наличных средств экономической организации (стратегии получения государством дохода), наличия финансовых трудностей и характеристики оппозиции, с которой столкнулись власти при увеличении финансирования армии [14].

Подводя итог рассмотрению генезиса методологии исторической социологии, хотелось бы обратить внимание на факторы, влияющие на развитие этой научной дисциплины. Н.В. Романовский в статье «Историческая социология в структуре социологического знания» [15] выделяет пять базовых контекстов, в которых существует историческая социология: исторический, социологический, общенаучный, общественный и общий российский контекст. Автор названной статьи рассматривает влияние каждого контекста на историческую социологию и раскрывает логику ее развития в названных контекстах социальной жизни. Исторический контекст влияет на пересмотр объекта и предмета данного направления в социологии, расставляет акценты на приоритетные в то или иное время области исследования, в некотором отношении выдвигает цели и определяет задачи. Развитие наук, имеющих сходный объект изучения и методы исследования, ставит теоретиков перед задачей более четкой демаркации отдельных научных направлений. Социологический контекст обращает исследователей к проблеме выбора методического инструментария и технике сбора информации. И в данном случае встает вопрос об адекватности применения тех или иных методов. Н.В. Романовский акцентирует внимание на том, что на протяжении достаточно продолжительного времени в социологических исследованиях в качестве эмпирических данных использовались исторические свидетельства по причине неразвитости методик социологического исследования. Совершенствование методического аппарата создает смещение в методических предпочтениях. На общенаучном уровне поднимаются вопросы методологического характера, решаются общетеоретические задачи, определяются различия между различными науками. Здесь историческая социология подвергается внешнему научному влиянию. Общественные науки в целом и, в частности, историческая социология неразрывно связаны с общественным контекстом, теоретические концепты, сформулированные исторической социологией, могут сказываться на восприятии тех или иных социально-политических, экономических, культурных и других явлений, а также влиять на последующее развитие событий. Что касается российского контекста исторической социологии, то здесь влияние социально-политической ситуации в стране сказывается на частоте, глубине, качестве и идеологической окрашенности проводимых исследований.

Методология исторической социологии

Обратимся теперь непосредственно к вопросу об определении исторической социологии как самостоятельного направления исследований. Проследив генезис методологических подходов к изучению динамических процессов, можно сделать вывод о том, что историческая социология не может замыкаться исключительно в узком предметном и методическом поле. Историческая социология требует постоянного использования данных различных дисциплин, относящихся к социальным наукам: начиная с антропологии и заканчивая экономикой. Этот факт отмечает также А.И. Черных в статье «Историческая социология на Западе (конец XX века)» [16].

Как отмечает в своей статье «К методологии сравнительно-исторической социологии. Отдельные замечания» Мэтью Дэфлем [17], в истории и в социологии начинают размываться границы в результате растущего взаимного влияния названных дисциплин. Номотетическая специфика социологии все в большей степени начинает проникать в историю, следствием чего становится смещение внимания историков с фиксации исторических данных на выстраивание логических конструкций и объяснительных схем исторического процесса. На социологию в свою очередь также оказывают влияние идиографический взгляд, характерный для исторических

исследований. Исследование отдельных социальных феноменов и исторических случаев становится неотъемлемой частью социологических исследований. В смешении истории и социологии, во взаимопроникновении исследовательских перспектив возникает историческая социология, содержащая в себе как внимание к историческим фактам, так и приверженность социологическим стратегиям изучения объекта [18; 19].

В связи с этим в структуре науки изначально сформировались противоречия, которые постоянно вызывают споры относительно методологической ориентации исторической социологии. Дэфлем указывается на два базовых и принципиальных спора, существующих в исторической социологии. Первым и во многом ключевым моментом методологии исторической социологии является вопрос о необходимости разведения номотетизма и идиографизма, четкой демаркации и способов демаркирования истории и социологии. Здесь же встает вопрос о методах исследования: какая базовая установка, генерализация или партикуляризация, должны лежать в основе анализа исторических данных. Второй спорный момент касается определения статуса теории в методологической картине исследуемой дисциплины. Вопрос в данном случае заключается в том, должен ли исторический социолог тестировать обобщающие теории на конкретном эмпирическом материале или же ему стоит прежде всего обращать свое внимание на выдвижение и разработку теоретически значимых вопросов.

В предметном поле исторической социологии можно выделить три основных тематических блока: рассмотрение комплекса методов анализа и техник исследования исторического развития общества; использование исторических данных для верификации или фальсификации теоретических построений (важным моментом здесь является направленность на конкретные компаративные исследования разных обществ и разных культур); поиск закономерностей исторического развития, разработка социологических концепций, нацеленных на последующее использование в качестве объяснительной модели для описания и анализа конкретных исторических явлений.

В целях предметной характеристики области применимости исторической социологии обратимся к более формализованному описанию этой дисциплины. Прежде всего дадим определение этого исследовательского направления. А.И. Черных со ссылкой на американский «Современный словарь по социологии» дает следующее определение: Историческая социология – «анализ исторических данных с целью получения социологических обобщений. Историческое исследование может включать в себя попытку открыть важные тенденции развития или изменения общества, или цивилизации, или оно может быть ограничено анализом определенной проблемы. В последнем случае историческое исследование может просто заключаться в попытке проверки определенных ограниченных гипотез социального поведения, используя данные прошлого» [16, с.87].

Объектом исторической социологии является, как и у любой другой социальной дисциплины, – общество, предметом же – историческое развитие общества, закономерности этого развития, исторические изменения структурных характеристик общества, историческое взаимовлияние различных культур и другие аспекты исторического развития различных обществ. Среди задач исторической социологии В.Г. Павенков называет «получение теоретических знаний о закономерностях исторического развития современного общества», «выявление «исторических корней» настоящего, то есть влияние прошлого», «изучение исторического становления современной личности, как многовариантной системы социальных характеристик», «анализ взаимодействия механизмов природной и цивилизационной составляющих исторического процесса» [20, с.191-192].

Сравнительно-историческое исследование в социологии, как и любое другое исследование, включает в свою методологическую часть пять значимых этапов. Это определение: 1) объекта, предмета, целей, задач и гипотез; 2) методологической стратегии исследования; 3) источников информации; 4) методов сбора и проверки данных, разработка методического инструментария; 5) способов анализа данных.

М. Дэфлем [17] выделяет три основные стратегии сравнительно-исторического исследования в социологии:

1. Параллельное исследование теории. В этом случае теория проверяется на разных исторических контекстах для ее конкретизации.

2. Интерпретация значимых событий. Каждое историческое событие анализируется как уникальное.

3. Анализ причинности на макроуровне. Этот вид стратегии включает в себя два основных исследовательских принципа:

а) принцип отличия: случай, имеющий какую-то причину и следствие, отличается от случая, у которого отсутствует такая причина и такое следствие.

б) принцип согласия: случаи, имеющие одинаковые следствия сопоставимы также по своим причинам.

К источникам информации в рамках исторической социологии относятся как материальные носители (останки, следы, записанные каким-либо образом источники), так и нематериальные (устные истории).

Процедурная сторона исследования в рамках исторической социологии представляет собой последовательность этапов сбора и проверки исторического материала:

1. Определение специфики источников, подлежащих сбору, их идентификация и непосредственно отбор. На данном этапе возникает проблема доступности необходимого исторического материала (утрата, наличие права на доступ и др.)

2. Регистрация и классификация источников. Данный этап исследования непосредственно связан с поставленными в начале целями и задачами, типом самого источника, временем, к которому относится этот источник, его владельцем или составителем, способом его составления, содержанием (подразумеваемым или реальным) и т.д.

3. Критика и противоречия. На данном этапе проверяется надежность источника как на внутреннем уровне, так и на внешнем. Внутренняя критика ориентирована на выявление внутренних противоречий в источнике, а внешняя – на сопоставимости информации, предоставляемой источником, с реальными историческими фактами. На этом этапе возможно сравнение нескольких источников, предоставляющих информацию об одном объекте.

4. Анализ данных. Существует относительная свобода в выборе метода анализа в зависимости от поставленных целей и задач, он может быть как качественным, так и количественным, как интерпретативным, так и объясняющим, как структурированным, так и неструктурированным, как включенным в теорию, так и быть самостоятельной исследовательской стратегией. Анализ может проводиться как индуктивно, так и дедуктивно.

Таким образом, историческая социология представляет собой направление социологии, сочетающее в себе комплекс теоретико-методологических принципов (как социологических, так и исторических). Мировоззрение исторического социолога в большей степени характеризуется ориентацией на социологические методы анализа данных, а также нацеленностью на исторический материал и умением работать с ним.

Историческая социология, ввиду сложности своего развития, является достаточно противоречивой социальной дисциплиной. Исследователи, работающие в области исторической социологии, придерживаются различных взглядов на исследуемый объект и на методы его изучения. Одни исследователи стоят на позиции социологического номинализма и являются неовеберийцами, другие – на позиции социологического реализма и представляют своими работами либо неомарксистскую линию, либо неодюркгеймианскую. Одни считают, что методы исторической социологии основаны на индуктивном способе анализа данных, другие – на дедуктивном.

Однако, рассмотрев генезис методологии исторической социологии, можно отметить, что современная историческая социология, оформившись в самостоятельное

направление, стала в большей мере систематизированным источником знаний, нежели она была прежде. Теоретические построения, выявление закономерностей исторического процесса в XVIII и XIX веках базировались большей частью на интуитивных догадках, которые, однако, в ряде случаев имели большой эвристический потенциал. Сложно выделять какие-то конкретные этапы истории и предыстории данного исследовательского направления. С момента возникновения социологии историческая социология, еще не будучи утвержденной как самостоятельное направление, являлась ее органичной частью. И даже более того, до выделения социологии в самостоятельную науку задачи, которые сегодня отмечены, как задачи исторической социологии, решались как общегуманитарные в рамках философии.

Но, тем не менее, самоопределение исторической социологии в качестве отдельной научной дисциплины способствовало более четкому формулированию ее методологической базы. Формирование методологического каркаса данной исследовательской области позволило ученым, занимающимся проблемой социальных изменений, строить более обоснованные теоретические модели, пользоваться наработанным инструментальным опытом и тем самым оптимизировать процесс производства научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гессе Г.* Игра в бисер: Роман / Пер. с нем. С.К. Апта. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001.
2. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М.: РУСАКИ, 1999.
4. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1-2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
5. *Эдвардс Л.* Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. №1.
6. *Грязнова О.С., Подвойский Д.Г.* Социология революции Лайфорда Эдвардса // Социологический журнал. 2005. №1.
7. *Масловский М.В.* Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003.
8. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
9. *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
10. *Коллинз Р.* Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000.
11. *Bendix J.* Comparison in the Work of Reinhard Bendix // Sociological Theory. 16:3. 1998. November.
12. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001.
13. *Mann M.* The sources of social power. Vol. 1-2. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 1993.
14. *Тёрнквист Р.* Историко-эмпирическая социология / Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Изд-во «Нотабене», 1992.

15. *Романовский Н.В.* Историческая социология в структуре социологического знания // Социологические исследования. 2000. № 6.
16. *Черных А.И.* Историческая социология на Западе (конец XX века) // Социологические исследования. 2002. №2.
17. *Deflem M.* On the methodology of comparative-historical sociology: scattered notes // <http://www.cas.sc.edu/socy/faculty/deflem/zhistory.htm>
18. *Кон И.С.* История и социология // Вопросы философии. 1970. №8.
19. *Кон И.С.* История в системе общественных наук // Философия и методология истории. Благовещенск. 2000.
20. *Павенков В.Г.* Предмет исторической социологии и ее место в структуре социологического знания // Россия и мир: гуманитарные проблемы. 2001. Вып. 1.